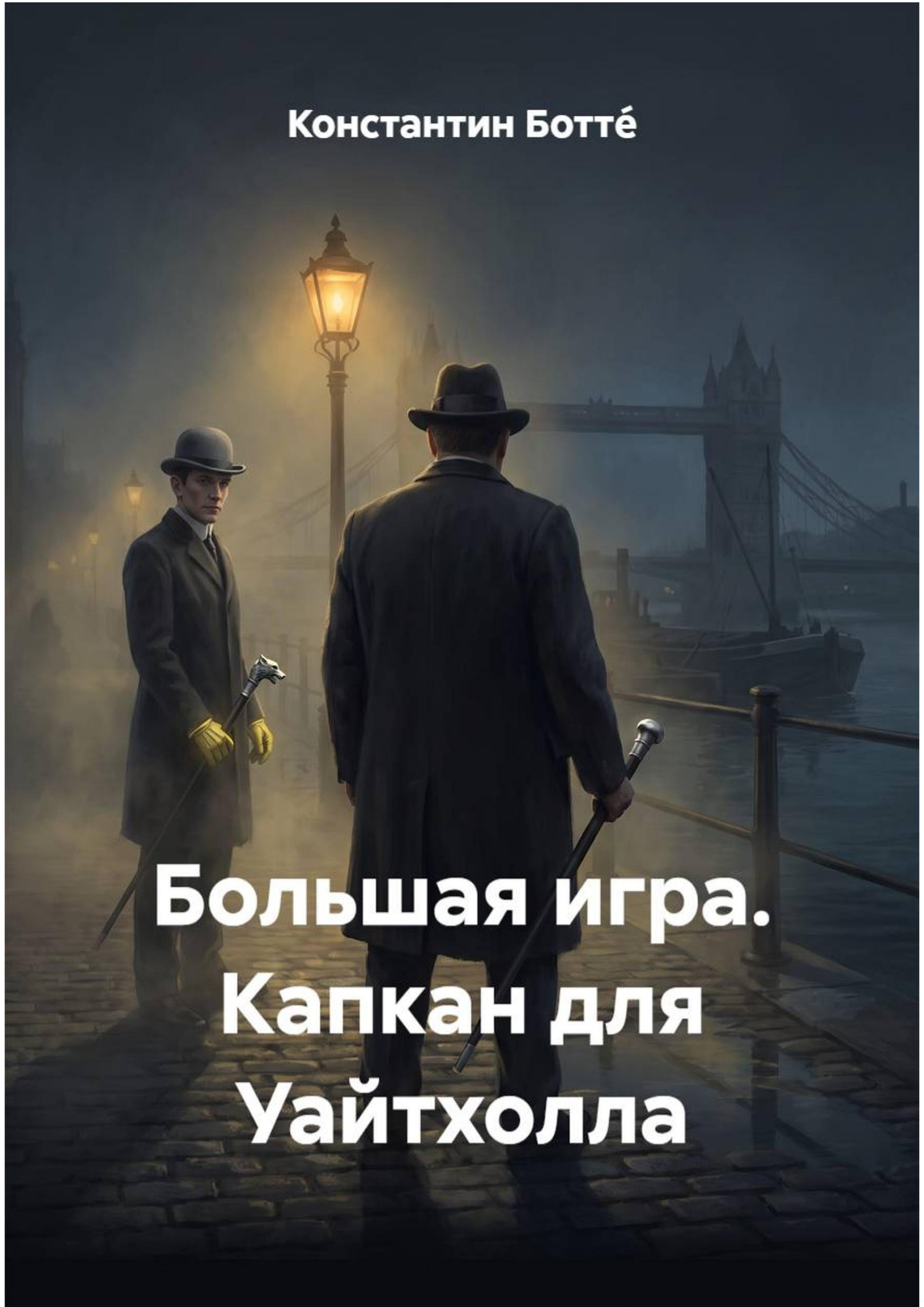

Константин Ботте́
Большая игра.
Капкан для
Уайтхолла

Большая игра

Константин Ботте́

Большая игра. Капкан для Уайтхолла

«Автор»
2026

Ботте́ К.

Большая игра. Капкан для Уайтхолла / К. Ботте́ — «Автор», 2026 — (Большая игра)

Весна 1886 года. После сокрушительного провала афганской провокации на реке Кушке и гибели генерала Скобелева невидимая война между Российской и Британской империями перемещается в туманный Лондон.Капитан контрразведки Родион Воронецкий, тайно прибывает в самое логово врага. Его цель, нанести ответный удар по Уайтхоллу и до конца распутать зловещие метастазы предательства опального графа Воронцова-Вельяминова.Контрразведчику предстоит совершить дерзкий налёт на частную психиатрическую лечебницу Блэкхита, чтобы вырвать из застенков Шарлотту Альтенроз, устроить изощренную ментальную дуэль на глазах у высшего света в закрытом клубе Мэйфэра и предотвратить масштабный Кронштадтский подлог, угрожающий всему Балтийскому флоту.Это третья книга тетралогии «Большая игра»

© Ботте́ К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 26
Глава 8 29

Константин Ботте́
Большая игра. Капкан для Уайтхолла

Глава 1

Глава 1. Пассажир из Дюнкерка

Торговый пароход «Святой Николай», принадлежавший рижскому судовому товариществу, входил в устье Темзы на исходе седьмых суток тяжёлого балтийского перехода. Балтика всю неделю обрушивала ледяные штормы, но здесь, у берегов Англии, шторм сменился плотным, неподвижным туманом, который британские моряки угрюмо именовали лондонским смогом. Эта серая маслянистая мгла пахла мокрой солью, гниющими водорослями, речной тиной и едкой угольной гарью, которой круглосуточно дымили тысячи фабричных труб Ист-Энда. Туман стоял такой густой, что нос корабля едва угадывался с капитанского мостика, а огромные океанские лайнеры и приземистые угольные баржи возникали из серой пустоты внезапно, словно призраки, оглашая реку пронзительными, тоскливыми гудками.

Родион Воронецкий стоял у самого юта, пальцами вцепившись в холодные, покрытые солью деревянные поручни. Для этой заграничной миссии он снова сменил имя, платье и паспорт. Согласно официальным бумагам, скреплённым печатями Министерства торговли, в Англию прибыл скромный гражданский чиновник Родион Иванов, направленный в лондонское консульство для ведения скучных купеческих регистров.

Для всего остального мира, для жандармского корпуса и петербургских гостиных, капитан Воронецкий окончательно канул в небытие. Полгода назад азиатские пески приняли тела сотен афганских стрелков, а раненый Уильям Кортленд бежал в Мешхед. Воронецкий привез царю Александру III неопровержимые улики измены графа Воронцова-Вельяминова. Но высшая государственная целесообразность снова перечеркнула все планы. Графа не повесили и не сослали на каторгу. Его тихо, без шума в прессе, отправили в бессрочную «отставку по болезни» в его дальнее псковское имение, лишив постов, но сохранив жизнь и дворянскую честь. Справедливость на дипломатическом паркете оказалась фальшивкой. И тогда Воронецкий понял, что его личная война с Уайтхоллом только начинается. Он сам попросил государя о переводе в лондонскую резидентуру. Он направлялся в самое логово врага, чтобы отсечь голову шпионской гидре.

Родион опустил руку в карман своего дорожного пальто из плотного английского сукна. Другая рука, в неизменной чёрной лайковой перчатке, привычно сжала тяжелый стальной набалдашник трости, готовая в любой момент извлечь скрытый внутри граненый штырь. Ожоги, полученные в Туркестане, жестоко ныли от лондонской сырости, а шея под воротником рубахи горела так, словно стальные пальцы Кортленда сжимали её прямо сейчас.

Рядом в кармане жилета мерно тикали отцовские серебряные часы. Их металлический стук был единственным звуком, связывавшим его с далекой, оставшейся за тысячу вёрст Россией. Воронецкий был один на чужой, враждебной территории.

Пароход ткнулся бортом в бревенчатые сваи доков Суррея. Матросы с криками швырнули толстые канаты на грязный, покрытый угольной пылью настил причала. Воронецкий поправил фетровую шляпу, глубоко надвинув её на глаза, подхватил свой кожаный саквояж и сошёл по хлипкому деревянному трапу на английскую землю. Большая игра переходила в свою следующую, лондонскую фазу.

Лондонские доки встретили Родиона оглушительным рёвом толпы. Здесь, на восточной окраине огромного города, где туман смешивался с грязной водяной пылью, наперебой были

слышны крики портовых грузчиков-ирландцев, тащивших на спинах тюки с индийским хлопком, грохотали окованные железом колеса тяжелых телег, а из прибрежных таверн доносился пьяный ор и запах дешёвого джина. Это был Ист-Энд, гигантское, прогнившее брюхо империи, где человеческая жизнь стоила дешевле пинты эля, и где было проще всего затеряться человеку без официального имени.

Воронецкий не стал нанимать кэб у причала. Он слишком хорошо знал, что Скотленд-Ярд и филёры британской Секретной службы плотно держат под надзором всех пассажиров, прибывающих на русских судах. Любой лакированный экипаж мог оказаться ловушкой, а кучер – тайным агентом Уайтхолла.

Контрразведчик пошёл пешком, мерно стуча тростью по склизкой, покрытой гнилыми овощами булыжной мостовой. Он углублялся в лабиринт грязных, узких переулков Уайтчепела. Дома здесь стояли так плотно, что их верхние этажи почти сходились над головой, лишая улицы малейшего притока свежего воздуха. Из подворотен пахло сыростью и помоями. Бродяги, завёрнутые в грязные рогожи, спали прямо на каменных ступенях доходных домов, а малолетние воришки-газетчики провожали одинокого прохожего цепкими, злыми взглядами.

Для обустройства своей первой конспиративной квартиры Воронецкий выбрал именно этот район неслучайно. Уайтчепел был территорией, куда официальная столичная полиция боялась соваться после захода солнца. Здесь правила бал криминальная беднота и радикальные союзы рабочих. Родион, используя свои старые связи с парижским уголовным дном, еще до отъезда из России через подставных лиц арендовал три скромные комнаты на верхнем этаже мрачного кирпичного дома в тупике Коммерческой улицы.

Он поднялся по крутой, скрипучей деревянной лестнице, пахнущей кошачьей мочой и несвежей капустой. Замок на двери, состоящий из простого железного устройства местного производства, поддался его ключу с резким щелчком.

Комната была обставлена скудно: железная кровать, покосившийся комод, грубый стол у окна да пара стульев. Воронецкий прошёл к окну, осторожно, кончиком пальца отодвинул плотную суконную штору и посмотрел вниз, на переулок. Туман сгущался, превращая улицу в серый колодец.

На противоположной стороне тупика, у входа в дешёвую ночлежку, замерла высокая, худощавая фигура в длинном дорожном плаще. Капюшон был наброшен на голову, скрывая лицо. Человек не двигался, он просто стоял, устремив взгляд на окна верхнего этажа.

Воронецкий медленно опустил штору. Его губы сжались в тонкую линию. Британия не ждала его, она выслеживала его от самого причала. Уильям Кортленд или его новые ученики из Уайтхолла уже обложили квартиру невидимыми флажками. Но Родион не чувствовал страха. Напротив, в его груди снова вспыхнул тот самый яростный, фанатичный огонь Большой игры, который когда-то вёл его через пески Геок-Тепе и подвалы Гатчины. Ловушка лондонского капкана была взведена, и теперь контрразведчику предстояло сделать свой первый, самый опасный ход на чужом поле.

На следующий день туман немного рассеялся, уступив место мелкому дождю, который превратил лондонские улицы в грязные зеркала. Воронецкий, переодевшись в строгий штатский сюртук и повязав безупречный шёлковый галстук, направился в Белгрейвию – аристократический район Вест-Энда, где среди роскошных особняков располагалось российское императорское посольство.

Здесь, на Челси, Лондон выглядел иначе. Вместо вони доков и нищеты Уайтчепела были чистые гранитные набережные, породистые лошади, запряженные в лакированные кэбы, и господа в дорогих цилиндрах, спешащие в свои джентльменские клубы. Над массивными железными воротами посольского особняка развевался огромный бело-сине-красный российский флаг. Это был маленький островок империи посреди враждебного океана Британской короны.

Воронецкий прошёл через проходную, предъявив дежурному секретарю свои официальные документы на имя чиновника Министерства торговли Иванова. Его проводили в глубину здания, мимо роскошных залов, украшенных лепниной и портретами государей, в закрытое правое крыло, где располагалась шифровальная канцелярия.

В небольшом кабинете, заставленном стеллажами с тяжелыми дипломатическими гроссбухами, было тихо. Лишь мерно и часто стрекотал новый телеграфный аппарат Сименса, установленный у окна. За оперативным столом, строго выпрямив спину, сидела женщина в тёмном глухом платье. Её тёмно-каштановые волосы были туго уложены в аккуратный узел на затылке, а тонкие пальцы быстро перебирали листы кодовых книг.

При звуке шагов она медленно повернулась и посмотрела на Воронецкого. В её глазах на долю секунды промелькнуло такое глубокое, неприкрытое облегчение, что Родион почувствовал, как его израненное сердце пропустило удар. Александр III выполнил свое обещание. Анна Корсакова была тайно переведена в Лондон три недели назад в качестве главного шифровальщика миссии, чтобы обеспечить «Призрака» надёжной и независимой от МИДа связью с Гатчинским замком.

– С прибытием, Родион Иванович, – тихо, но отчетливо произнесла она, поднимаясь со своего места. Её пальцы инстинктивно коснулись маленького серебряного ключика на тонкой цепочке вокруг шеи. – Я ждала вас. Рижский пароход задержался из-за шторма в Немецком море.

– Дорога была тяжелой, Анна Николаевна, – Воронецкий подошёл к столу, аккуратно положил свою трость и снял чёрную перчатку, протягивая ей руку. Их ладони соприкоснулись, и это короткое, тёплое прикосновение мгновенно вытеснило из его души ледяную сырость Темзы. – Что в столице? Как наш граф в своем псковском уединении?

– Воронцов-Вельяминов сидит тихо, из усадьбы не выезжает, – Анна понизила голос до шепота, указывая на запертую дверь кабинета. – Но его архив в министерстве начали трясти по приказу Черевина. Мы нашли нити, которые ведут в Лондон, к тайным счетам в банке Глина. Уайтхолл недоволен его отставкой. Сэр Мэнсфилд считает, что Воронцов предал их, не передав кавказские шифры перед уходом. Британская Секретная служба готовит ответный удар. Они ищут вас. Филёры Скотленд-Ярда обложили посольство со вчерашнего дня.

Воронецкий медленно кивнул, его взгляд стал пугающе холодным и стальным. Он подошёл к окну и посмотрел сквозь дождевое стекло на улицу. Там, у чугунной решетки посольского сада, лениво прохаживался господин в сером котелке, делая вид, что читает утреннюю газету.

– Пусть ищут, Анна, – ровно произнес Родион, возвращая перчатку на израненную руку. – В Гатчине и в песках Кушки мы играли в обороне, защищая рубежи империи от их диверсий. Но здесь, в Лондоне, правила меняются. Мы пришли в их собственный дом. И я заставлю сэра Мэнсфилда и Кортлена понять, что Гатчинский капкан может захлопнуться и на берегах Темзы. Наша партия начинается. И на этот раз мы сделаем ход первыми.

Анна Корсакова внимательно посмотрела на его суровое, иссеченное шрамами лицо и молча повернулась к телеграфному аппарату, берясь за латунный ключ передатчика. Стрекот Морзе возобновился в тишине кабинета, уходя по медному кабелю через Северное море в Копенгаген, а оттуда в Санкт-Петербург.

Глава 2

Глава 2. Русский дом на Челси

Утренний дождь над Белгрейвией сменился ветром, который беспрепятственно проникал в просторные коридоры российского императорского посольства на Челси. Особняк, некогда принадлежавший обедневшему английскому лорду, внутри пытался казаться уменьшенной копией Зимнего дворца. Высокие потолки с тяжёлой лепниной, дубовые паркеты, натёртые до зеркального блеска, и массивные портреты государей в позолоченных рамах создавали иллюзию абсолютной, незыблемой власти. Но за этим парадным фасадом Воронецкий отчетливо ощущал присутствие чиновничьего страха.

Родион стоял в приемной главы миссии, держа в руках скромную фетровую шляпу. На нем был строгий штатский сюртук, полностью скрывавший его принадлежность к контрразведке. Ему пришлось прождать аудиенции более часа. Дипломатический Петербург не любил спешки, даже здесь, на туманных берегах Темзы, пока Большая игра велась на пороге их общего дома.

Массивная дверь кабинета наконец отворилась, и дежурный секретарь сдержанным, безэмоциональным кивком пригласил Воронецкого войти.

За огромным письменным столом сидел действительный статский советник полковник жандармерии в отставке Петр Николаевич Барк, являвшийся официальным резидентом русской разведки в Лондоне. Это был холёный, безупречно выбритый мужчина с тонкими, аристократическими чертами лица и холодным, оценивающим взглядом карьерного чиновника. На его плечах сидел парадный гражданский вицмундир, а на пальце поблескивал дорогой перстень с рубином.

– Итак, чиновник Иванов, – Барк медленно, со стуком опустил на стол его подорожную бумагу, скрепленную фиолетовой мастичной печатью Гатчинской охраны. Полковник не читал документ. Он знал его содержимое наизусть. – На то была личная, негласная воля государя Александра Александровича, устроить вас в консульский отдел для ведения торговых регистров. Я не привык обсуждать приказы Его Величества. Но я хочу, чтобы вы уяснили одну простую вещь с первой же минуты.

Полковник поднялся, подошел к окну и заложил руки за спину, глядя на туманную Темзу.

– Лондон – это не Туркестан. Здесь нет песчаных барханов, текинских набегов и возможности решать вопросы кавалерийским наскоком с обнажённой шашкой. Здесь цивилизованная Европа, капитан. Здесь действуют законы, полиция Скотленд-Ярда и международное право. Уайтхолл следит за каждым нашим шагом. И если вы попытаетесь устраивать здесь свои полевые контрразведывательные баталии, которыми вы прославились в Москве и на Кушке, я лично вышлю вас обратно в Россию в кандалах по первому же рапорту британского министерства. Нам не нужны международные скандалы. Нам нужен покой. Вы меня поняли?

Воронецкий даже не шелохнулся. Его бледное, иссеченное шрамами лицо оставалось каменной маской. Он слишком хорошо знал эту породу паркетных разведчиков. Барк пёкся не о благе империи, а о сохранности своего тёплого кресла и благосклонности лондонских светских клубов. Он хотел играть в шпионаж по правилам, которые писались в Уайтхолле, не понимая, что для сэра Мэнсфилда и Кортленда эти правила были лишь удобной ширмой.

– Я понял вас, Петр Николаевич, – тихо, со стальным звоном в сорванном горле ответил Родион. – Мои купеческие регистры будут в полном порядке. Дипломатический покой миссии не пострадает.

– Вот и прекрасно, – Барк сухо кивнул, возвращаясь к столу. – Свободны, Иванов. Ваше рабочее место в правом крыле, рядом с шифровальным столом. Надеюсь, мы более не вернемся к этому разговору.

Воронецкий коротко поклонился, развернулся и бесшумно вышел из кабинета. Он понимал, что официальная резидентура Барка для него не опора, а обуза, которая будет лишь путаться под ногами. Свою войну в тумане Альбиона ему придется вести почти в одиночку, опираясь лишь на собственные силы и верность одного человека.

Шифровальная канцелярия, располагавшаяся в самом конце полутёмного коридора правого крыла, встретила Родиона привычным стрекотом аппарата Сименса. Этот частый стук Морзе в тишине посольского особняка казался Воронецкому единственным живым звуком.

Анна сидела за оперативным столом, низко опустив голову над разложенными шифрблокнотами. Зелёный абажур керосиновой лампы бросал мягкий свет на её бледное лицо со строгими чертами и на тугую каштановую косу. При звуке открывшейся двери она мгновенно перевела взгляд на порог, и серебряный ключик на её тонкой цепочке тихо звякнул, ударившись о воротничок форменного платья.

– Барк принял вас? – тихо, не поднимая голоса выше шепота, спросила она, когда Воронецкий плотно притворил за собой дубовую дверь, отрезая их от остального посольства.

– Принял, Анна Николаевна, – Родион опустился на колченогий стул у края стола и бережно положил трость на колени. Он медленно снял чёрную перчатку, обнажая свои жесткие, покрытые рубцами ожоги. – Предупредил, что за любые «туркестанские баталии» отправит меня в равелин. Наш полковник больше всего на свете боится потревожить сон британских лордов.

Анна тонко, едва заметно улыбнулась, и эта мимолётная улыбка на секунду преобразила её строгое лицо.

– Барк не знает, что Мэнсфилд уже вскрыл его собственную сеть филёров в порту Портсмута. Рано утром я приняла шифровку из Гатчины. Черевин бьёт тревогу. Питерский архив графа Воронцова-Вельяминова выдал новые адреса. Опальный граф перед своей «болезнью» успел передать Кортленду не только пограничные коды, но и шифры нашей лондонской резидентуры. Мы здесь как на ладони, Родион Иванович. Каждая депеша, которую Барк отправляет на Фонтанку, ложится на стол в Уайтхолле через два часа.

Воронецкий внутренне подобрался, его серые глаза превратились в две холодные стальные щелки. Измена Воронцова продолжала пускать метастазы даже из его псковского уединения.

– Значит, Барк отправляет донесения через скомпрометированный канал, а англичане просто подыгрывают ему, создавая видимость безопасности, – Родион нажал на пружину отцовских часов, слушая их сухое тиканье. – Это идеальная ловушка. Мэнсфилд контролирует официальное посольство. Но они не знают о вас, Анна. Они не знают, что у нас есть свой, прямой провод с Арсенальным каре.

– Кабель работает отменно, – Анна пододвинула к нему чашку горького чая, пахнущую лимоном. Пальцы её на секунду коснулись его израненной ладони, передавая то самое невидимое, запредельное чувство поддержки, которое спасало его в гатчинских подвалах. – Я перевела Гатчинский коммутатор на новую математическую матрицу тройного замещения. Эту ленту Кортленду не взломать, даже если он привлечёт всех профессоров Оксфорда. Мы будем опережать их на шаг вперёд. Что вы намерены делать теперь?

– Мне нужен живой свидетель, Анна, – Воронецкий сделал глоток горячего чая, чувствуя, как уходит ледяная сырость, въевшаяся в сукно сюртука. – Графа Воронцова прикрыл закон престола. Но если я найду Шарлотту Альтенроз... Если я докажу, что её долги и векселя до сих пор находятся в лондонских банках Секретной службы, у нас на руках будут неопровержимые улики против самого Уайтхолла. Мне нужно узнать, куда Кортленд спрятал немецкую розу

после её похищения из монастыря. И для этого мне придётся выйти на улицы этого туманного города без посольского прикрытия.

Анна внимательно посмотрела на него. Её темные глаза были полны скрытой, затаенной тревоги.

– Будьте осторожны, Родион Иванович. Скотленд-Ярд обложил Челси. Мужчина в сером котелке, что дежурит у ворот посольского сада, сегодня утром сменился. Теперь там стоит человек в жёлтых кожаных перчатках.

Воронецкий замер с чашкой в руке. Жёлтые перчатки. Фирменный знак Кортленда. Британский ликвидатор лично пришёл проверить позиции, обозначая, что охота на «Призрака» началась на берегах Темзы.

Сумерки опустились на Белгрейвию стремительно, превращая мокрую мостовую Челси в тусклые, грязные зеркала. Электрические фонари, установленные вдоль набережной, загорались один за другим, выхватывая из наступающей серой мглы силуэты вековых деревьев посольского сада. Воронецкий выходил через боковую калитку особняка, предназначенную для мелких служащих и курьеров. На нём было длинное путевое пальто, фетровая шляпа глубоко надвинута на глаза, а воротник поднят, скрывая шею.

Он шёл прогулочным, неторопливым шагом, мерно постукивая стальным набалдашником трости по гранитным плитам набережной. Вокруг шумел вечерний Лондон, громыхали кэбы, спешили к ужину респектабельные джентльмены в цилиндрах. Но Родион не оборачивался. Его контрразведывательный слух, обострённый до предела в азиатских походах, чётко фиксировал сзади, в двадцати шагах, мерный цокоток чужих каблуков. За ним вели негласное наблюдение.

Воронецкий резко повернул направо, в узкий, темный Стоуни-лейн – тупиковый переулок между двумя глухими кирпичными стенами складов, где не горели фонари, а туман стоял плотной, неподвижной стеной. Шаги сзади на секунду смолкли, а затем ускорились. Филёр заглатывал наживку, стремясь не упустить русского чиновника в темноте.

Родион замер в самой глубине тупика, слившись с чёрной кирпичной кладкой стены. Он перехватил трость за нижний конец, его пальцы в чёрной лайке сжали металл. Выброс адреналина заставил его сердце биться чаще.

Из серой завесы тумана, плавно и бесшумно, словно настоящий выходец с того света, вынырнула высокая, худощавая фигура в длинном английском плаще и сером котелке. На его руках отчётливо желтели кожаные перчатки, а в правой руке поблёскивал серебряный набалдашник трости-стилета.

Уильям Кортленд остановился в пяти шагах от него. Они стояли друг напротив друга в абсолютной темноте глухого лондонского переулка, разделённые лишь пеленой тумана. Это была их первая очная ставка после кровавой бани на реке Кушке.

– Добрый вечер, капитан, – негромко произнес Кортленд на французском языке с изысканным английским акцентом. Лучи далекого фонаря на секунду выхватили его лицо. Шрамы у брови и на переносице делали его аристократические черты пугающе хищными. – Рад видеть, что лондонский климат пошёл на пользу вашему расстроенному туркестаном здоровью.

– Вы рискуете, Кортленд, – леденящим голосом ответил Родион, не опуская трости. – На Кушке ваша пушка промазала. Здесь, в Лондоне, у меня под пальто лежит «Смит-Вессон». Один выстрел и Скотленд-Ярд найдет ваше тело на рассвете.

Британский ликвидатор тихо, издевательски рассмеялся, и этот смех заставил Воронецкого сильнее сжать металл.

– Смит-Вессон? Оставьте эти грубые армейские привычки для ваших азиатских степей, Родион Иванович. Мы в Лондоне. Здесь стреляют только по приказу Короны. Полковник Барк сейчас пьёт херес в своем кабинете и уверен, что контролирует ситуацию. Он не знает, что

вся ваша лондонская резидентура – это наш большой, уютный аквариум. Мы видим каждый ваш шаг.

Кортленд сделал лёгкий полупоклон, приподняв руку в жёлтой перчатке.

– Вы приехали за Шарлоттой, я знаю. Немецкая роза Уайтхолла является прекрасным трофем. Но, поверьте моему опыту, Блэкхитский приют для умалишенных очень надёжное место. Оттуда не возвращаются. Возвращайтесь в Гатчину. Пока Темза не приняла ваше тело в качестве платы за Скобелевский план. Большая игра в Лондоне ведется по нашим правилам. И вы в ней лишь временный пассажир.

Британец резко повернулся и в одно мгновение растворился в сырой маслянистой завесе тумана, словно его никогда и не было. Лишь стук его каблуков по мокрой брусчатке еще несколько секунд разносился под сводами Стоуни-лейн.

Воронецкий медленно опустил трость и тяжело вздохнул, его разбитое горло выдало глухой кашель. Кортленд проверил дистанцию, он открыто обозначил свои позиции и назвал место – Блэкхитский приют. Это был вызов. Капкан Большой игры в Лондоне захлопнулся окончательно, превращая миссию Родиона в смертельный, слепой полёт посреди враждебной столицы. Но теперь у него было имя локации. Ищейка встала на след.

Глава 3

Глава 3. Возвращение Призрака

Если Ист-Энд задыхался в копоти и нищете, то в Уайтхолле туман казался чинным, упорядоченным и государственным. Он аккуратно обволакивал строгие фасады правительственных зданий, превращая конные конвои Её Величества в торжественное шествие теней. Здесь, за массивными кирпичными стенами, не было слышно криков портовых грузчиков или пьяного пения из портовых таверн. Тишину нарушал лишь мерный стук подковок часовых, чеканивших шаг на мостовой.

В глубине кабинета на Даунинг-стрит гудел огромный камин, наполняя комнату густым смолистым жаром и отблесками огня, игравшими на дубовых панелях. За массивным столом, заваленным секретными рапортами Скотленд-Ярда, сидел сэр Мэнсфилд. Его седые бакенбарды были безупречно подстрижены, а тяжёлый бычий взгляд впивался в свежее донисение из Кронштадта, доставленную курьером шведской миссии.

Уильям Кортленд стоял у окна, лениво покуривая неизменную сигарету. На нём был строгий фрак, а левая рука в жёлтой кожаной перчатке покоилась на серебряном набалдашнике трости. Тонкие шрамы на его переносице и у левой брови потемнели от комнатного жара.

– Вы упустили инициативу в Челси, Уильям, – Мэнсфилд швырнул шифровку на стол. – Наш «аквариум» в русском посольстве больше не так прозрачен, как нам хотелось бы. Полковник Барк по-прежнему шлёт в Петербург депеши через скомпрометированный канал, и наши клерки исправно читают их. Но Гатчинский замок молчит. Александр III не делает ответных заявлений по Кушке, словно у него на руках есть козырь, о котором мы не знаем.

– Этот козырь Воронецкий, сэр, – Кортленд повернулся к начальнику, и его единственный здоровый глаз опасно сузился. – Я встретил его вчера ночью в тупике Стоуни-лейн, прямо у посольского сада. Он прибыл в Лондон под именем чиновника Иванова. Он не сидит в канцелярии Барка. Он обустроил конспиративную квартиру в трущобах Уайтчепела и уже начал собственную, негласную охоту.

Мэнсфилд тяжело поднялся со своего кресла, его грузная фигура заслонила свет камина.

– Он ищет немку, Уильям? Он ищет Шарлотту?

– Да, сэр. Она единственный живой свидетель, способный доказать, что граф Воронцов-Вельяминов действовал по нашей указке, а не по собственной инициативе. Если Воронецкий вытащит её из Блэкхита и доставит её показания в Петербург, царь Александр получит неопровержимые улики против самой Британской короны. Это уничтожит наш престиж в Париже и Берлине.

– Блэкхитский приют должен стать её могилой, Кортленд, – Мэнсфилд жёстко ударил кулаком по столу. – И могилой для самого Воронецкого. Наш шведский канал сообщил, что Анна Корсакова, эта гатчинская телеграфистка, теперь сидит на ключе в посольстве. Она шифрует депеши по новой системе, которую наши аналитики в Оксфорде не могут взломать. Они работают вдвоем, Уильям. Воронецкий и его шифровальщица. Обложите приют двойным кольцом филёров. Если русский жандарм сунется в Блэкхит, то уничтожьте его на месте. Скотленд-Ярд спишет это на нападение уличных грабителей. Время вежливых разговоров в тумане вышло.

Кортленд коротко кивнул, приподнял фетровую шляпу и бесшумно вышел из кабинета. Его Большая игра на берегах Темзы требовала финального, беспощадного хода.

Лондон. Бедный рабочий район Поплар. Ночь.

Пока на Даунинг-стрит взводили пружины скрытой западни, капитан Воронецкий пробивался сквозь худшие закоулки лондонского Ист-Энда. Дождь превратился в мелкую, секущую водяную пыль, которая оседала на воротнике его длинного пальто. В портовом районе Поплар пахло гнилой рыбой и сырым углём. Здесь, среди бесконечных лабиринтов кирпичных складов и судостроительных верфей, концентрировалась вся подпольная, бунтующая сила столицы, состоящая из ирландских портовых рабочих, забастовщиков и радикалов, ненавидевших Британскую корону сильнее, чем петербургские нигилисты Россию.

Родион шёл быстрым шагом и его трость отстукивала ритм по мокрой брусчатке. Контрразведчик понимал, что официально полковник Барк запер его в купеческих регистрах, а филёры Скотленд-Ярда пасут каждый его выход из посольства. Чтобы устроить налёт на Блэкхитский приют и вырвать Шарлотту из застенков Уайтхолла, ему нужна была своя, карманная армия на чужой земле. И он нашёл её здесь, в портовых трущобах.

Капитан толкнул низкую, полусгнившую дверь подвального кабака «У старого якоря». Внутри было душно, пахло кислым элем, махоркой и сыростью. За липкими деревянными столами сидели хмурые, широкоплечие мужчины в грязных матросских куртках и вязаных шапках.

Воронецкий прошёл в самую глубь заведения, к угловому столу, где в одиночестве сидел грузный, бородатый ирландец по имени Шон, бывший вожаком местной портовой банды и лидером забастовочного комитета верфей. На нём был поношенный кожаный жилет, а его огромные, мозолистые кулаки покоились на столе рядом с кружкой чёрного портера.

Родион опустился на табурет напротив него. Он медленно снял перчатку, обнажая свои жёсткие, покрытые рубцами ожоги, и выложил на грязное дерево стола пять золотых французских луидоров. Золото глухо звякнуло в тишине кабака, мгновенно приковав к себе цепкие взгляды сидевших поодаль докеров.

– Мне нужны десять надёжных парней с ломами и хорошими револьверами, Шон, – тихо, на безупречном английском языке произнес Воронецкий. Его сорванное горло выдало глухой кашель. – Завтра ночью мы навестим частный приют в Блэкхите. Нам нужно вскрыть один из внутренних корпусов и вывезти оттуда женщину. Охрана приюта будет вооружена, Скотленд-Ярд может сесть на хвост.

Шон лениво потянулся к золоту, но Воронецкий накрыл монеты своей израненной ладонью. Ирландец замер, встретившись взглядом с холодными, серыми глазами русского офицера. Он повидал немало портовых головорезов, но этот бледный незнакомец в штатском пальто дышал такой первобытной опасностью, что Шон инстинктивно убрал руку.

– Пять луидоров сейчас, Шон, – Воронецкий убрал ладонь с монет. – И еще десять, когда женщина будет находиться на моей конспиративной квартире в Уайтчепеле. Если хоть одно слово уйдёт лондонской полиции или людям в жёлтых перчатках, я вернусь в этот подвал. И поверь мне, в Азии и на Кавказе я научился выпускать кишки гораздо быстрее, чем это делают ваши докеры в Попларе.

Шон криво усмехнулся, ловко сгребая золото в карман своего жилета.

– Карета и парни будут ждать вас завтра в полночь у Блэкхитской развилки. Французское золото творит чудеса, а уж пустить кровь королевским ищейкам для моих ребят – это чистое удовольствие. Мы сделаем всё чисто, без шума в газетах.

Воронецкий коротко кивнул, нахлобучил шляпу и вышел в сырую лондонскую ночь. Теперь у него были свои глаза и руки в трущобах Ист-Энда.

Лондон. Конспиративная квартира Воронецкого в Уайтчепеле. Час спустя.

Комната на верхнем этаже кирпичного дома тонула в глубоком тумане, рассекаемом лишь слабым отблеском масляного рожка на столе. Воронецкий сидел на стуле, подперев голову руками. Перед ним лежали чистые листы бумаги и его карманные серебряные часы, которые сухо, мерно отсчитывали секунды Большой игры.

Раздался едва слышный, условный стук в дверь, состоящий из трёх коротких щелчков. Родион инстинктивно сжал рукоять «Смит-Вессона» в кармане, но тут же расслабился. Этот лёгкий шаг он узнал бы из тысячи.

Воронецкий открыл засов, и в комнату быстро вошла Анна Корсакова. Её длинное дорожное пальто было мокрым от дождя, а темно-каштановая коса слегка выбилась из-под фетровой шляпки.

– Вы рискуете, Анна, – Родион запер дверь обратно на засов. – Кортленд вчера открыто обозначил свои позиции у ворот посольства. Его люди пасут каждый переулок в Челси. Если они выследили вас до Уайтчепела, наш капкан захлопнется раньше времени.

– Наружка Скотленд-Ярда осталась караулить пустую карету у вокзала Виктория, – Анна спокойно сняла мокрую шляпку, и серебряный ключик на её шее тихо качнулся в луче масляной лампы. – Я ушла через товарные платформы, как вы меня учили в Гатчине. У нас мало времени, Родион Иванович. Я перехватила депешу Уайтхолла, отправленную шведским шифром в Кронштадт. Воронцов-Вельяминов из своего псковского имения умудрился передать Кортленду весточку. Граф умоляет англичан ликвидировать Шарлоту.

Воронецкий медленно поднялся со своего места, его серые глаза сверкнули стальной яростью.

– Значит, Воронцов по-прежнему пытается зачистить концы из своей опалы, – капитан подошёл к окну, осторожно отодвинув штору. Переулок внизу был пуст, туман плотно укрывал кирпичные стены трущоб. – Он знает, что Шарлотта его смертный приговор. Если мы не вытащим её завтра ночью, Кортленд просто подсыплет ей яд, и Скотленд-Ярд спишет её смерть на безумие.

Анна подошла к столу, её тонкие пальцы аккуратно разложили перед Воронецким схематичное изображение улиц и строений.

– Мне удалось раздобыть сведения о Шарлоте, и я подготовила для вас точную карту Блэкхитского приюта. Здание старое, три этажа, окружено высокой кирпичной стеной с битым стеклом по верху. Охрана состоит из шестерых надзирателей из бывших солдат колониальных войск. Шарлотту держат в левом крыле, на третьем этаже, в изолированной келье для буйных.

Воронецкий внимательно изучил чертеж, нарисованный ровным, безупречным почерком Анны. Его пальцы в чёрной лайке коснулись бумаги.

– Завтра в полночь, Анна, – тихо произнес он, поворачиваясь к девушке. – Мои портовые парни из Поплара устроят там хорошую баню. Мы вырвем её из этих застенков. Вы остаетесь в посольстве на ключе. Если Черевин перехватит новые послания Воронцова, я должен знать об этом до того, как Кортленд поднимет на ноги Скотленд-Ярд.

Анна внимательно посмотрела в его суровое, иссеченное шрамами лицо. В этой полутёмной уайтчепелской комнате, посреди чужого и враждебного города, они были самыми близкими людьми во всей вселенной. Их связывала не просто общая служба, их связывало суровое родство душ, скреплённое пеплом сожженного Индийского плана и кровью на камышах Кушки.

– Я буду на связи, Родион Иванович, – тихо, но со стальной решимостью ответила Анна, протягивая ему руку. – Мой ключ не умолкнет ни на секунду. Возвращайтесь живым. Не оставляйте меня одну в этом тумане.

Воронецкий поймал её ладонь, его пальцы сжали руку девушки. Слова были лишними в Большой игре.

Глава 4

Глава 4. Потерянный след Шарлотты

Чёрная безлунная ночь опустилась на южную окраину Лондона, принеся с собой изморось, летевшую с берегов Темзы. Район Блэкхит полностью оправдывал свое мрачное, зловещее название. Здесь, среди бесплодных заброшенных пустошей, старых карьеров и заболоченных низин, окутанных неподвижной, удушливой завесой смога, цивилизованный, блистательный Вест-Энд окончательно заканчивался. Газовые фонари на дорогах уезда не горели, и единственным ориентиром в этой серой, мёртвой пустоте были тусклые, размытые дождем ночные огни редких постоялых дворов да далекие гудки пароходов, доносившиеся со стороны портовых доков.

Карета, нанятая людьми Ирландского забастовочного комитета в трущобах Поплара, замерла у развилки дорог, глубоко укрытая в тени раскидистых старых вязов. Четвёрка вороных коней нетерпеливо перебирала копытами по размокшей, скользкой глине, из их ноздрей валил густой белый пар, мгновенно растворявшийся в ночной мгле. Из плотно зашторенных окон экипажа не проникало ни единого луча света. Внутри салона царил полумрак и ощущался запах сырой кожи, табачного перегара и дёгтя, которым кучер смазал оси.

Воронецкий сидел на заднем сиденье, положив обе руки на серебряный набалдашник своей стальной трости. На нём был строгий штатский сюртук и плотное путевое пальто. Его израненные в азиатских песках пальцы, стянутые жесткими шрамами от ожогов и затянутые в неизменную черную лайковую перчатку, мелко дрожали от запредельного выброса адреналина. Но взгляд серых глаз оставался пугающе холодным и сфокусированным. Лихорадочные мысли уносили его в подвалы Гатчины и к ночному телеграфу, где сейчас у аппарата Сименса дежурила Анна, ловя каждую литеру Кавказского округа. Родион понимал, что эта ночь будем переломным моментом всей партии.

Он осторожно, стараясь не шуметь сукном одежды, запустил левую ладонь во внутренний карман жилета, достал серебряные отцовские часы и нажал на скрытую пружину. Крышка щелкнула с сухим металлическим звуком, который в тишине кареты прозвучал как взвод оружейного затвора. Полночь. Время, назначенное Шоном для начала операции. Где-то там, в двухстах саженях за этой стеной лондонского смога, на третьем этаже Блэкхитского частного приюта для умалишённых, запертая в изолированной каменной комнате, ждала своей участи Шарлотта Альтенроз.

Контрразведчик понимал, что если они опоздают хотя бы на час, Уильям Кортленд приведёт в исполнение тайный приговор графа Воронцова-Вельяминова, пришедший через шведских контрабандистов. Единственная живая свидетельница измены будет хладнокровно зачищена с помощью яда или объявлена окончательно безумной, и тогда дорога к разоблачению лондонского шпионского гнезда закроется навсегда. Допустить этого Родион не имел права. Честь покойного Скобелева требовала завершить этот расчёт до конца.

– Парни готовы, мистер, – в полумраке кареты показалось широкое, бородатое лицо Шона. Ирландский вожак докеров тяжело дышал, удерживая в руке массивный железный лом, а из глубокого кармана его кожаного жилета была видна воронёная рукоять тяжелого армейского «Веблея». – Мои ребята обложили кирпичную стену с восточной стороны, как раз там, где у них глухой фасад и нет окон. Охрана приюта из шести бывших солдат колониальных войск, отставных карателей из индийских гарнизонов. Они сейчас пьют крепкий эль в своей караулке на первом этаже и явно не ждут гостей из портовых доков Ист-Энда.

– Помните, Шон, никакого лишнего шума, никаких выстрелов, пока мы не вскроем левое крыло и не найдем изолятор, – тихо, со стальной интонацией в сорванном горле ответил Воро-

нецкий. Он сунул руку в потайной карман пальто, еще раз проверяя тяжелый металл своего «Смит-Вессона». – Если Скотленд-Ярд поднимет тревогу или местный патруль наткнётся на экипаж до того, как мы вытащим Шарлотту, из этого тупика никто из нас живым не выйдет. Выдвигаемся.

Капитан первым толкнул деревянную дверцу кареты и шагнул прямо в жидкую грязь обочины. Холодные капли измороси мгновенно осыпали его лицо, смывая остатки дорожной усталости. Ночная, кровавая схватка в застенках Блэкхита начиналась.

Высокая кирпичная стена Блэкхитского приюта, густо усыпанная по всему верхнему краю острыми, зловеще поблескивающими осколками битого бутылочного стекла, выросла из тумана внезапно, словно крепостной вал заброшенного форта. Само трехэтажное здание лечебницы, похожее на мрачный, закопченный замок в суровом викторианском стиле с узкими, окованными толстыми железными решётками окнами, казалось дышало замогильной тишиной. Лишь в двух окнах первого этажа, где располагалась дежурная караулка надзирателей, тускло горела масляная лампа, бросая жёлтые лучи на мокрые плиты внутреннего двора.

Ирландские докеры действовали с профессиональной быстротой портовых воров и контрабандистов. Два огромных парня в грязных вязаных шапках набросили на битое стекло войлочные маты, приставили к кирпичной кладке деревянную лестницу и в одно мгновение, без единого звука, перемахнули на ту сторону. Воронецкий стоял в тени старого вяза, контролируя переулок. Через минуту чугунные ворота чёрного хода бесшумно приоткрылись. Кованый засов был перекушен огромными стальными кусачками Шона.

Воронецкий скользнул внутрь двора беззвучно, словно тень. Его кожаные сапоги без подковок не издавали звука шагов на мокром камне. За ним цепочкой следовали Шон и семеро хмурых докеров с ломами и короткими дубинками наперевес. Они продвигались вдоль стены, скрываясь в густых клубах смога.

У дверей левого крыла, ведших к изоляторам для буйных узников, их ждала первая преграда. Из темноты служебного прохода внезапно вынырнул рослый надзиратель в форменной суконной куртке с дубинкой в руке и связкой ключей на поясе. Он открыл рот, намереваясь поднять крик, но не успел. Воронецкий сделал стремительный, кавалерийский наскок вперёд, уклоняясь от неумелого замаха, и с размаху опустил серебряный набалдашник своей трости прямо на ключицу британца. Раздался отчетливый хруст ломающейся кости. Мужчина глухо охнул, выронил дубинку и рухнул на каменный пол, мгновенно потеряв сознание. Шон ловко, на лету перехватил его железную связку ключей.

– На третий этаж, живее! Коридор левого крыла! – шёпотом скомандовал Родион, срываясь на быстрый, бесшумный бег по крутой винтовой лестнице.

Они взлетели на третий ярус за считанные секунды, едва переводя дыхание. Длинный коридор левого крыла приюта казался вымершим склепом, затерянным в подземелье. Глухие дубовые двери с узкими смотровыми щелями, окованными полосовым железом, тянулись по обе стороны. В воздухе стоял удушливый, тошнотворный запах карболки и сырой осыпающейся штукатурки. Из-за некоторых дверей доносился глухой, монотонный бред спящих, тихий, животный плач и скрежет ногтей по дереву. Уайтхолл умел хоронить своих врагов без суда и шума в прессе, превращая их жизнь в бесконечный кошмар.

Шон быстро перебирал ключи на связке, сверяясь по памяти с картой, которую Анна Корсакова подготовила по архивным документам.

– Вот она, тридцать вторая келья, в самом конце у пожарного выхода! Давай, парень, вставляй ключ!

Тяжелый сувальдный замок лондонской работы поддался со второй попытки, издав глухой металлический щелчок. Дверь со скрипом распахнулась, и Воронецкий влетел внутрь тёмной комнаты, на ходу вскидывая револьвер и осматривая углы.

На узкой железной койке, лишённой подушки, прижавшись спиной к сырой, покрытой плесенью кирпичной стене, сидела Шарлотта Альтенроз. На ней была простая, грязная больничная рубаха из сурового холста, золотые волосы были растрепаны и падали на плечи, а огромные кукольные глаза были расширены от дикого, нечеловеческого ужаса. Она прижимала к груди свои худые руки, готовясь встретить убийц. Но, увидев бледное, иссеченное шрамами лицо Воронецкого в полумраке, она сначала сжалась в комок, не веря своим глазам, а затем из её груди вырвался истошный, рыдающий вздох искупления:

– Вы... Господи... Вы живы... Вы пришли... Они хотели отравить меня... Англичанин приходил, Кортленд... Он приносил флакон...

– Тише, Шарлотта, ни слова больше! Уходим! – Воронецкий подскочил к койке, сильным движением подхватил девушку под локоть и накинул на её дрожащие плечи своё путевое пальто. – Капитан Скобелев погиб в Москве, защищая нас, но здесь я вас не оставлю на растерзание этим лисам. Бегом, за мной!

Они выскочили в коридор, но уйти без шума из этого каменного мешка им было не суждено.

Снизу, со стороны парадного вестибюля первого этажа, вдруг донёсся оглушительный, резкий свист полицейского патруля, топот десятков тяжёлых сапог и частые, хлёсткие выстрелы, разорвавшие ночную тишину приюта. Скотленд-Ярд и ликвидаторы Кортленда начали штурм здания с парадного входа. Британская Секретная служба всё-таки просчитала налёт русского контрразведчика и устроила ему идеальную засаду в застенках Блэкхита.

– Засада! Бобби из Скотленд-Ярда и люди в чёрных плащах перекрыли нижний марш лестницы! – в коридор третьего этажа, тяжело дыша, взлетел один из докеров Поплара. Его левый рукав был полностью залит кровью, а в правой руке он сжимал дымящийся армейский револьвер. – Их там не меньше десятка, у них карабины! Они караулят выходы!

– Прорываемся через правое крыло, к запасному выходу! – крикнул Воронецкий, удобнее перехватывая свой тяжелый «Смит-Вессон». – Шон, твои парни держат лестничный пролёт! Стрелять при любой попытке подняться! Никого не подпускать на расстояние выстрела!

В узких, длинных и гулких коридорах приюта завязался слепой стрелковый бой. Зеркальный паркет и вековая штукатурка стен разлетались в мелкую крошку и брызги от непрерывных попаданий пуль. Белый, едкий пороховой дым мгновенно заполнил этаж, смешавшись с запахом карболки, сырости и извести, превращая лечебницу в адское, непроглядное месиво, где ориентироваться можно было только по вспышкам выстрелов.

Ирландские портовые рабочие дрались как звери, прекрасно понимая, что для них поимка Скотленд-Ярдом и виселица в Ньюгейте лишь вопрос нескольких минут. Они хладнокровно палили из-за баррикад, устроенных из шкафов и железных коек, сдерживая натиск королевских ищеек.

Воронецкий двигался впереди отряда, надежно прижимая к себе левой рукой бледную, полуобморочную Шарлотту, которая едва переставляла ноги от страха. Его трость со стальным сердечником была зажата под мышкой, а правая рука в черной лайке посылала пулю за пулей в темноту лестничного пролёта. Из-за угла коридора внезапно вынырнул высокий агент в сером котелке и длинном плаще – один из личных ликвидаторов Кортленда. В его руке блеснуло лезвие стилета. Родион нажал на спуск «Смит-Вессона», не теряя ни доли секунды на прицеливание. Пуля выбила из груди англичанина фонтан тёмной крови. Он коротко хрипнул и рухнул навзничь, перегородив узкий проход собственным телом.

– Шон, отходим! Дверь ломай! – крикнул Воронецкий, увлекая Шарлотту к пожарному выходу правого крыла.

Двое докеров с размаху ударили тяжёлыми ломами в кованые петли деревянной двери. Дерево затрещало, разлетаясь в щепки со второго удара, и отряд буквально вывалился сквозь разбитый проём во внутренний двор приюта.

Они оказались на свободе, когда у Воронецкого оставалось всего два патрона в барабане револьвера, а израненное горло хрипело и горело от удушливого порохового дыма. Морось мгновенно окатила лицо Родиона, смывая гарь, пот и кровь из разбитой губы.

Карета Шона, укрытая под вязами, уже ждала их у разбитых ворот двора. Четверка вороных коней заржала и взвилась на дыбы, почуяв запах крови и пороха, доносившийся от бегущих людей.

– Быстро внутрь, Шарлотта! Ложись на пол! – Воронецкий буквально вбросил полубессознательное тело немецкой кокотки на кожаное сиденье экипажа, прыгнул следом и с силой захлопнул дверцу. – Гони! В Уайтчепел, по самым глухим проулкам и докам!

Карета сорвалась с места с оглушительным скрежетом железных ободов колес, выбивая искры из мокрой булыжной мостовой. Позади них, в серой завесе блэкхитского тумана, еще долго гремели выстрелы, разрывались гранаты докеров и надрывно свистели полицейские свистки. Портовые рабочие Поплара честно отрабатывали свои золотые луидоры, намертво отрезая погоню Скотленд-Ярда от экипажа русского контрразведчика.

Родион откинулся на бархатную спинку сиденья, тяжело, прерывисто дыша и пытаясь унять дрожь в израненных пальцах. Его рука нащупала в жилетном кармане отцовские серебряные часы. Они мерно продолжали тикать, отсчитывая секунды его трудной, кровавой победы. Шарлотта Альтенроз была спасена из тайных застенков Уайтхолла. Немецкая роза была у него в руках. У него появилось живое, убойное оружие, способное доказать измену графа Воронцова-Вельяминова и раскрыть всю шпионскую сеть Лондона.

Капитан осторожно прикрыл глаза, чувствуя, как карета несется по ночным улицам. Он знал, что в уайтчепелском убежище их уже ждёт Анна Корсакова с новыми шифровками из Гатчинского замка. Капитан сидел в полумраке экипажа, слушая, как колеса мерно режут раскисшую глину, а в его кармане, прямо под сердцем, сухо и ровно отсчитывали секунды отцовские часы.

Глава 5

Глава 5. Клуб «Альбион»

В начале весны 1886 года в Вест-Энде светило обманчивое, холодное солнце. Оно едва пригревало гранитные фасады фешенебельного Мэйфэра, но его блеклые лучи заставляли лакированные крылья карет и начищенные медные бляхи конных гвардейцев вспыхивать слепящим, аристократическим блеском. Здесь, на Сент-Джеймс стрит, туман казался далеким, дурным воспоминанием. Улицы были чисто выметены, пахли дорогой кожей конской упряжи, духами из парижских пассажей и тонким табачным дымом, струившимся из открытых окон закрытых джентльменских клубов.

Воронецкий стоял перед массивным, окованным медью порталом клуба «Альбион» – самого консервативного и неприступного заведения лондонского полусвета. На нём больше не было помятого дорожного пальто чиновника Иванова. Контрразведчик был облачён в безупречно сшитый на Сэвил-роу вечерний фрак, белоснежную сорочку с накрахмаленным воротничком-стойкой и шёлковый жилет. Его правая рука, скрытая тонкой черной перчаткой, опиралась на элегантную трость из малаккского дерева. В потайном кармане фрака покоился паспорт на имя барона фон дер Остена – остзейского дворянина, богатого землевладельца из Лифляндии, прибывшего в Англию для игры на бирже.

Прошло три недели после ночного штурма Блэкхитского приюта. Шарлотта Альтенроз была надежно спрятана в трущобах Уайтчепела, где за ней неотлучно ухаживала Анна Корсакова, деля время между заботой о сломленной девушке и ночными сменами у посольского аппарата Сименса. Скотленд-Ярд перевернул весь Ист-Энд в поисках «опасных ирландских террористов», но ищейки Мэнсфилда искали рабочих, не подозревая, что немецкая роза Уайтхолла находится под охраной Гатчинской контрразведки.

Воронецкому мало было просто спрятать свидетельницу. Ему нужен был личный, уничтожающий расчёт с Уильямом Кортлендом. Чтобы вскрыть лондонскую сеть и заставить Уайтхолл отступить, Родион должен был сойтись со своим врагом лицом к лицу там, где тот чувствовал себя хозяином – на паркете Мэйфэра. Документы лифляндского барона, ювелирно изготовленные по секретным гатчинским матрицам, открыли перед ним двери, закрытые для всей официальной резиденции полковника Барка.

Воронецкий поднялся по мраморным ступеням. Пожилой портье в строгой ливрее и напудренном парике скользнул взглядом по его дорогому костюму, безупречной осанке и тяжелой трости. Израненное в Азии лицо Родиона, иссеченное шрамами, здесь, среди породистых британских лиц, сочли следствием дуэли на немецких рапирах – привычной забавы остзейского дворянства.

– Барон фон дер Остен, – негромко, с лёгким, безупречным балтийским акцентом произнес Воронецкий, протягивая портье личную визитную карточку с тиснёным гербом.

Портье почтительно поклонился, сверяясь со списками гостей, рекомендованных шведским посольством. Барон Кнут, сам того не ведая, снова оплатил этот шаг в Большой игре.

– Добро пожаловать в «Альбион», милорд, – лакей распахнул тяжёлые створки из красного дерева, впуская «Призрака» в святая святых британского шпионажа. Капкан Мэйфэра взводился.

Внутри клуба пахло старым виски, воском и дорогим колониальным табаком. В Карточном зале, обшитом панелями из мореного дуба, царил приглушенный свет хрустальных люстр. Джентльмены в чёрных фраках сидели за круглыми столами, покрытыми зелёным сукном, в абсолютной, благородной тишине, нарушаемой лишь шорохом скользящих карт, стуком костей и негромким звяканьем золотых соверенов.

Воронецкий прошёл в глубь залы, мягко ступая сапогами по толстому персидскому ковру. Он сразу увидел то, ради чего пришёл.

За центральным столом, где играли в вист по самым крупным ставкам Вест-Энда, сидел Уильям Кортленд. Британский ликвидатор выглядел как истинный лондонский щёголь. Его волосы были идеально зачёсаны, фрак сидел как влитой, а на левой руке была неизменная жёлтая кожаная перчатка. Шрамы на его переносице и у брови, оставленные Родионом в Москве, были аккуратно загримированы пудрой, но в полумраке Карточного зала они всё равно проступали блеклыми отметинами. Напротив него сидели двое лордов из Адмиралтейства и молодой секретарь Министерства иностранных дел.

Воронецкий медленно подошёл к столу и остановился за спиной одного из лордов, опершись на трость.

– Позволите ли присоединиться к вашей почтенной компании, джентльмены? – негромко произнес Родион по-английски. – В Лондоне сегодня слишком скучно, а на бирже затишье. Барон фон дер Остен.

Кортленд, собиравшийся сдать карты, на долю секунды замер. Его единственный здоровый серый глаз поднялся, впиваясь в бледное, иссеченное шрамами лицо Родиона. В этом взгляде не было страха, а только дикое, хищное удивление гроссмейстера, который вдруг обнаружил, что его фигуру зажали на доске. Кортленд мгновенно узнал своего врага, несмотря на безупречный фрак барона.

– О, Лифляндия... Прекрасный край, – Кортленд лениво, одними уголками губ улыбнулся, не подавая виду перед лордами. – Присаживайтесь, барон. Нам как раз не хватало свежей... балтийской крови за этим столом. Сдаю я. Маркиз, ваши ставки.

Воронецкий опустился в глубокое кресло по правую руку от Кортленда. Он выложил на сукно пачку сотенных фунтовых билетов Банка Англии. В кармане его жилета мерно, сухо тикали отцовские часы, отсчитывая секунды этой ментальной дуэли посреди Мэйфэра.

Игра началась. Шорох карт сливался с тихим дыханием игроков. Они играли молча, выстраивая изощренные математические комбинации. Воронецкий действовал хладнокровно, его пальцы в чёрной лайке безошибочно скидывали козыри, перехватывая инициативу у Кортленда. Но настоящая битва велась не в картах. Они обменивались короткими, вежливыми, светскими репликами, за которыми скрывалась смертельная угроза.

– Скажите, барон... – Кортленд неторопливо сдал карты на новый раунд. Его жёлтая перчатка мелькала над зеленым сукном, словно лапа ядовитого паука. – В ваших лифляндских поместьях, должно быть, очень тихо? Зимняя тишина... Монастырский покой. Говорят, русские очень ценят уединение, особенно для своих... больных женщин.

– Тишина обманчива, мистер Кортленд, – Воронецкий принял карты, даже не взглянув на них, и выложил на стол крупную ставку. Его глаза впились в лицо британца. – Порой в самой тихой обители можно услышать такие откровения, от которых рушатся министерские кабинеты на Даунинг-стрит. А что касается больных... Блэкхитский приют, говорят, сильно пострадал от пожара на в прошлом месяце? Какая трагедия для Секретной службы Ее Величества потерять столь ценный архив.

Секретарь министерства удивленно приподнял брови, не понимая скрытого смысла их пикировки, но Кортленд внутренне сжался. Желваки на его челюсти заходили ходуном, а пальцы в жёлтой коже сильнее сжали колоду. Он понял, что Воронецкий полностью контролирует Шарлотту, и её протоколы допросов уже заверены гатчинскими печатями.

– Фортуна изменчива, барон, – Кортленд выложил на стол финальную карту, проигрывая этот кон Воронецкому. – Сегодня вы забираете банк. Но Большая игра в Лондоне ведётся по крупным ставкам. И порой тот, кто считает, что ведёт свидетеля под руку, обнаруживает, что ведёт его прямо на плаху. Берегите ваших... телеграфисток, Остен. В Вест-Энде по ночам бывают очень сырые сквозняки, смертельные для лёгочных сосудов.

Воронецкий медленно собрал выигранные фунтовые билеты со стола, аккуратно сложил их и спрятал во внутренний карман фрака. Часы под его жилетом отстукали половину первого ночи. Ментальный поединок в клубе «Альбион» был завершён. Контрразведчик переиграл ликвидатора на его же территории, на глазах у высших чинов Адмиралтейства показав, что «Призрак» не боится ультиматумов Уайтхолла.

Кортленд поднялся со своего места, делая вид, что направляется в курительную комнату. Воронецкий последовал за ним, мерно стуча тростью по паркету галереи.

Они остановились в уединенном, тёмном эркере в конце коридора, у витражного окна, за которым шумел проливной лондонский дождь. Синее электрическое сияние уличных фонарей пробивалось сквозь цветное стекло, окрашивая их лица в мертвенные, багровые тона.

– Ты думаешь, что победил, Воронецкий? – Кортленд повернулся к нему лицом. Его маска светского щеголя окончательно слетела, обнажив хищный оскал убийцы. Он вплотную подошёл к Воронецкому, и его жёлтая перчатка сжалась на набалдашнике трости-стилета. – Ты вытащил девку из Блэкхита. Но ты заперт со своими бабами в Уайтчепеле. Полковник Барк сдаёт нам каждый твой шаг, даже не зная об этом. Мэнсфилд дал приказ Скотленд-Ярду и живым ты из Англии не уедешь. Анна Корсакова под прицелом моих людей. Один мой жест и её найдут в Темзе до рассвета.

Воронецкий сделал один плавный шаг вперед и его бледное лицо со шрамами оказалось в дюймах от лица британца. В его глазах застыл тот самый леденящий, мёртвый покой инквизитора, который он выпестовал в гатчинских подвалах.

– Послушай меня, Кортленд, – тихо, со стальным звоном в сорванном горле произнёс Родион. – Время вежливых разговоров в тупиках Челси закончилось. Твой «аквариум» в посольстве пуст. Анна перевела связь на гатчинские матрицы, которые твои оксфордские клерки не взломают до конца века. Протоколы Шарлотты с финансовыми расписками Воронцова и ультиматумом Мэнсфилда уже ушли в Петербург через Кронштадт. Если с головы Анны Корсаковой упадёт хотя бы один волос, царь Александр Александрович опубликует эти бумаги во всех газетах Парижа и Берлина. Это будет дефолт твоей Короны, Кортленд.

Капитан приставил тяжелое дуло «Смит-Вессона», скрытого под полами фрака, прямо к животу ликвидатора. Сухой щелчок взводимого курка в тишине эркера прозвучал как смертный приговор.

– Мы пришли в твой дом, Уильям, – прошептал Воронецкий. – И отныне я твой личный кошмар. Я буду пасти каждый твой шаг на Даунинг-стрит, как пастух пасёт волка. Наша Большая игра переходит в кровавую фазу. Жди меня в тумане, Кортленд. Капкан захлопнулся.

Родион медленно опустил револьвер, повернулся спиной к замершему от ярости британцу и стремительным шагом направился к выходу из клуба «Альбион». За его спиной остался онемевший главный исполнитель Форин-офиса, а впереди, в сырых и грязных проулках Ист-Энда, его ждала Анна Корсакова.

Глава 6

Глава 6. Шифр Анны

Масляный рожок на грубом сосновом столе уайтчепелской квартиры чадил, бросая длинные, неровные косые тени на оголенные, покрытые вековой копотью кирпичные стены. За мутным окном, выходившим в глухой, тупиковый проулок Коммерческой улицы, шумел нескончаемый, мелкий лондонский дождь, больше похожий на водяную пыль. Маслянистый смог заползал сквозь рассохшиеся, забитые ветошью оконные щели, смешиваясь со стойким запахом медицинской карболки, сырой извести и дешёвого крепкого табака, который Родион курил, чтобы заглушить голод и усталость.

Шарлотта Альтенроз лежала на жёсткой железной койке, наглухо укрытая пахнущим дорожной гарью путевым пальто Воронецкого. Её била крупная, лихорадочная дрожь, сменявшаяся приступами холодного пота. Израненное застенками Блэкхитского приюта сознание баварки по-прежнему балансировало на грани бреда. В полузабытьи она то судорожно ловила ртом воздух, шепча сорванным голосом имя покойного генерала Скобелева, то в ужасе сжимала в тонких, исхудавших пальцах грязный кружевной платок, силясь спрятаться от невидимого призрака Кортленда, который мерещился ей в каждом углу этой мрачной комнаты. Время, проведённое в тайной психиатрической лечебнице Уайтхолла, полностью выжгло из немецкой розы былую столичную спесь, оставив лишь измученную, смертельно запуганную тень былой красавицы.

Анна сидела на шатком деревянном табурете у самого изголовья кровати, бережно прижимая к воспаленному лбу девушки мокрую холстину. В её груди в эти долгие, тягучие ночные минуты разыгрывалась скрытая от посторонних глаз психологическая драма.

Глядя на красивое, пусть и осунувшееся лицо Шарлотты, Анна преодолевала липкую внутреннюю ревность. Она прекрасно знала, что эта женщина была последней, безумной страстью великого генерала. Она знала, с какой отчаянной, почти самоубийственной яростью Родион Воронецкий прорывался сквозь засаду Скотленд-Ярда, чтобы вырвать Шарлотту из Блэкхита. Каждая женщина на её месте поддалась бы слабости, но жёсткая жандармская дисциплина и суровое родство душ, связывавшее её с Призраком от самой Гатчины, оказались сильнее личных обид. Анна понимала, что Шарлотта для них не просто спасённая из плена душа, а живое, уничтожающее оружие против петербургских предателей и Секретной службы Её Величества.

Родион Воронецкий сидел в самом тёмном углу комнаты, скрытый полумраком, не снимая мокрого от дождя сюртука. Его правая рука в чёрной лайковой перчатке мерно, с упрямой механической точностью крутила серебряные отцовские часы. Монотонное тиканье металла в полумраке убежища отсчитывало секунды затишья перед грядущим штормом. Родион не вмешивался в безмолвное противостояние двух женщин. Он вслушивался в звуки переулка, ожидая свистка патрульных или шагов ликвидаторов.

– Она выживет, Родион Иванович, – тихо, не оборачиваясь к нему, произнесла Анна, меняя повязку на лбу Шарлотты. Её пальцы привычным жестом коснулись серебряного ключика на шее. – Лихорадочный кризис миновал. Доктор из Поплара, которого тайно прислал Шон, дал ей капсулы с чистым опием. Синяки от кандалов скоро пройдут, но разум... Разуму нужно время, чтобы забыть Блэкхит и Кортленда. Она слишком часто кричит во сне.

– У нас нет этого времени, Анна, – глухо, со стальной интонацией в сорванном горле ответил Воронецкий. Он нажал на пружину часов, оборвав их металлическое тиканье. – Кортленд вчера во время нашей игры в Альбионе прямо дал понять, что Скотленд-Ярд перевернет весь Ист-Энд, но найдёт нас. Они не простят Блэкхитский налёт. Полковник Барк в посоль-

стве по-прежнему шлёт депеши на Фонтанку через открытые шпионские каналы, сдавая наши позиции лондонским клеркам. Нам нужна убойная, абсолютная улика, которая заставит Мэнсфилда отозвать своих ищеек и пойти на компромисс. Вы принесли свежие ленты перехвата из шифровального отдела?

Анна медленно поднялась с табурета, подошла к столу и вытащила из потайного кармана своего намокшего плаща узкую, свернутую в плотный, тугой рулон бумажную ленту телеграфного перехвата.

– Этот аккорд я сняла два часа назад напрямую с кавказского транзитного кабеля, проходящего через Кронштадт, – Анна бережно расстелила ленту под тусклым лучом масляного рожка. На бумаге ровными, безупречными рядами синели цифры, исписанные её четким, математическим почерком. – Наш опальный граф Воронцов-Вельяминов, сидя под домашним арестом в своем псковском имении, умудрился отправить весточку в Вест-Энд через шведских контрабандистов. И это послание заставит Гатчину содрогнуться.

Воронецкий медленно придвинулся к столу, его глаза впились в цифровые ряды.

– Он использовал старую министерскую матрицу двойного замещения? – тихо спросил капитан, всматриваясь в ритм замен.

– Хуже, Родион Иванович. Он задействовал секретный шифр Военно-морского ведомства, который не менялся со времён балканской кампании. Граф знает, что Барк ослеп, а Черевин занят обысками в столице. Но он не учёл, что я контролирую кабель на Челси. Смотрите сюда.

Анна взяла обрубок карандаша и начала быстро, без единой заминки вписывать буквы в пустые клетки шифр-блокнота, на ходу переводя цифровые ряды в леденящие душу фразы. Её математический гений работал на пределе возможностей. Кабинетное предательство Воронцова обретало на этой бумаге осязаемые, страшные очертания.

Анна перевела дыхание, её голос опустился до едва уловимого, заговорщического шёпота, перекрываемого лишь шумом дождя за окном:

– «Мэнсфилду. Мое положение в Пскове становится критическим. Черевин роет под мои старые архивы и ищет выходы на Мешхед. Единственный шанс вернуть благосклонность нового государя Александра Александровича и навсегда снять подозрения Гатчины – это раскрыть крупную, фальшивую диверсию в Кронштадтском адмиралтействе. План полностью согласован с вашими людьми в Финляндии и Хельсингфорсе. Английские подводные мины новейшего образца будут доставлены на шхуне Эльза в Кронштадтские доки к десятому апреля. Я лично вскрою этот заговор перед императором за час до взрыва, выставив себя единственным спасителем Балтийского флота, и верну себе кресло министра иностранных дел. Контролируйте Воронецкого в Лондоне».

Воронецкий медленно поднялся со своего табурета, выпрямившись во весь рост под низкими каменными сводами уайтчепелской квартиры. В комнате снова повисла удушливая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием спящей под опием Шарлотты и унылым шорохом капель, падающих с крыши в сточную канаву.

Мозаика Большой игры, которую они так долго и мучительно распутывали на берегах Темзы, окончательно сложилась. Опальный граф Воронцов-Вельяминов шёл ва-банк, не считаясь ни с чем. Потеряв власть и влияние после позорного провала афганской провокации на реке Кушке, этот кабинетный хищник решился на грандиозный, чудовищный подлог. Он задумал подстроить налёт британских диверсантов на Кронштадтские верфи, чтобы затем героически его предотвратить на глазах у испуганного царя и триумфально вернуться в залы Дворцовой площади. Ради своего утраченного министерского кресла и спасения собственной шкуры он готов был поставить под удар флагманские корабли Балтийского флота империи.

– Десятое апреля... – Воронецкий снова вытащил из кармана часы, металлический щелчок крышки разорвал тишину. – У нас осталось меньше двух недель, Анна. Если английские мины окажутся в Кронштадте, Воронцов обыграет нас на нашем же поле. Он вернёт себе власть, и тогда Гатчинский капкан откроется для нас самих.

– Что делать, Родион Иванович? – Анна посмотрела на него снизу вверх, и в её тёмных глазах промелькнула глубокая, затаённая тревога верного соратника. – Мы заперты в Лондоне, как крысы в норе. Скотленд-Ярд ищет нас по всему Ист-Энду, полиция дежурит на каждой станции. Отрезать дорогу Эльзе отсюда, из этих трущоб, мы физически не можем. У нас нет кораблей.

– Мы заставим Кортленда сдать этот маршрут и коды связи со шхуной, – Воронецкий перехватил свою стальную трость, его бледное лицо превратилось в суровую маску контрразведчика. – Шарлотта пришла в себя, её показания по Блэкхиту и векселям Мэнсфилда наш главный, уничтожающий козырь. Завтра ночью мы устроим Кортленду финальную засаду в таком месте, откуда он не сможет уйти без признания. Мы выманим его на открытое пространство. Собирайте вещи, Анна. Наше тихое уединение в Уайтчепеле окончено. Игра выходит на прямую линию физического уничтожения.

Ближе к четырем часам утра дождь наконец утих, уступив место холоду, связанному с предутренним падением температуры, характерным для лондонской весны. Смог за окном сгустился до такой степени, что полностью стёр очертания противоположных домов, превратив редкие уличные газовые фонари в размытые, тусклые синие точки, едва пробивавшие серую вату.

Воронецкий стоял у окна, осторожно удерживая двумя пальцами край плотной суконной портьеры, чтобы не выдать своего присутствия. Его взгляд методично скользил по Стоуни-лейн и выходам из тупика, укрытым пеленой смога. На противоположной стороне улицы, в глубокой тени кирпичной арки заброшенной ночлежки, по-прежнему неподвижно замерла высокая, худощавая фигура в длинном плаще с глубоким капюшоном.

Британская Секретная служба не снимала осады ни на минуту. Они прекрасно знали, что Призрак зажат в этой тесной каморке вместе со своими свидетелями и шифрами. Кортленд выжидал, как хладнокровный, расчетливый хищник, понимая, что без официального дипломатического прикрытия Барка русский жандарм не сможет сделать ни одного шага по лондонской мостовой. Скотленд-Ярд ждал лишь малейшего повода, чтобы ворваться внутрь.

Родион медленно опустил штору и повернулся к столу. На сукне, рядом с догорающим рожком лампады, покоилась перехваченная Анной телеграфная лента – бумажный фитиль от нового, кронштадтского взрыва, готового уничтожить Балтийский флот. Воронецкий аккуратно, виток за витком, свернул её, спрятал во внутренний карман своего штатского сюртука.

Капитан подошёл к койке, где Шарлотта после долгих часов метаний наконец погрузилась в глубокий, спокойный сон без кошмаров, вызванный тяжелыми капсулами с опием. Рядом, устало опустив голову на сложенные руки прямо на край матраса, дремала Анна Корсакова. Её тонкие пальцы даже во сне продолжали судорожно сжимать серебряный ключик на шее – символ её тайной, круглосуточной власти над медно-телеграфными жилами империи. Она отдавала всю себя этой войне, не требуя наград и признания.

Воронецкий бережно, стараясь не разбудить девушку, снял свой сухой путевой плащ и накинул на её плечи, защищая от сквозняка. Он посмотрел на свои руки. Правая ладонь в чёрной лайке больше не дрожала, тремор отступил. Ментальное удушье лондонских трущоб, изоляция от официального посольства Барка больше не давили на его разум парализующим грузом. Напротив, интуиция подсказывала ему, что Кронштадтская шифровка Анны дала им долгожданную, твёрдую точку опоры в этом зыбком лондонском тумане.

Они перехватили инициативу у графа Воронцова и Уайтхолла на самом краю пропасти, когда казалось, что всё кончено. Теперь Большая игра в Лондоне велась исключительно по

правилам Гатчинского капкана. Родион Иванович вытащил из кармана часы, металлический щелчок крышки зафиксировал четвертый час утра.

Глава 7

Глава 7. Кровавая баня в Доках

Весенний ливень, обрушившийся на восточную окраину Лондона, превратил портовый район Поплар в кромешный, бурлящий ад. Потоки грязной воды с шумом неслись по наклонным проулкам, размывая сточные канавы и увлекая за собой горы мусора, гнилой соломы и портового шлака прямо в маслянистое чрево Темзы. Черные, закопченные остовы судостроительных верфей и гигантские кирпичные пакгаузы Ист-Энда высились во мгле, словно циклопические надгробия. Ветер выл между железными фермами портовых кранов, заставляя ржавые цепи испускать протяжный скрежет.

Воронецкий стоял в тени заброшенного угольного склада, укрытый от секущих струй дождя брезентовым навесом. Капитан не спал третьи сутки. Кронштадтский шифр Анны Корсаковой, вскрывший планы опального графа Воронцова-Вельяминова по доставке английских мин на шхуне «Эльза», заставил «Призрака» действовать без оглядки на Скотленд-Ярд. У них оставалось всего несколько дней до того, как бумажный фитиль изменника подожжет Кронштадтский рейд, и Родион принял решение перехватить инициативу.

Шарлотту Альтенроз пришлось спешно вывезти из уайтчепелской квартиры. Кортленд слишком плотно обложил Коммерческую улицу своими филёрами. Теперь «немецкая роза» Уайтхолла, укутанная в пуховый платок, сидела в глубине крытого портового фургона, стоявшего у соседнего пакгауза. Анна Корсакова оставалась на связи в посольстве в Челси, готовая ловить каждую литеру с кавказского провода.

– Всё готово мистер, – из пелены ливня бесшумно вынырнула грузная фигура Шона. Ирландский вожак портовых докеров обтёр мокрое от дождя лицо широким рукавом кожаного жилета. Его парни, вооруженные ломами, докерскими баграми и короткоствольными револьверами, рассредоточились по территории верфей. – Шхуна «Эльза» бросила якорь у дальнего пирса полчаса назад. Грузчики уже начали погрузку ящиков с маркировкой «машинные части». Но мои ребята перекрыли все выходы из доков. Ни одна крыса отсюда не уйдет.

– Помните, Шон, Кортленд должен быть взят живым, – тихо, со стальными нотками в сорванном горле произнес Воронецкий. Он достал из кармана жилета серебряные отцовские часы, нажал на пружину. Крышка щелкнула, явив тусклый циферблат под стеклом лампады. Полночь. – Нам нужны его личные коды связи с Кронштадтом. Стрелять только в крайнем случае. Выдвигаемся.

Капитан перехватил трость и первым шагнул из-под навеса под дождь. Финальный штурм доков Уайтхолла начинался.

Прорыв к дальнему пирсу Ист-Энда занял меньше трех минут. Ирландские докеры, знавшие каждый закоулок, каждый штабель с досками и заброшенный угольный вагон на этих верфях, двигались без звука, растворяясь в густой пелене речного смога. Воронецкий шёл впереди, его сапоги без подковок не издавали шагов на скользких, покрытых мазутом деревянных настилах.

У самого борта двухмачтовой шхуны «Эльза», пришвартованной у полуразрушенного гранитного мола, царило оживление. Четверо иностранных матросов под прицелом карабинов двух рослых агентов в серых котелках спешно загружали в трюмы длинные, окованные железом деревянные ящики. На пирсе под огромным брезентовым тентом, стоял Уильям Кортленд. Британский ликвидатор лично контролировал погрузку мин.

– Руки вверх! Именем императора Всероссийского! – оглушительный, зычный крик унтера Сухова разорвал шум ливня, когда ирландские докеры разом выросли из тумана, беря пирс в плотное кольцо.

Британские агенты среагировали со скоростью атакующей кобры. Один из ликвидаторов мгновенно вскинул короткоствольный карабин, но Сухов оказался быстрее. Пуля из его армейского ружья выбила из груди англичанина фонтан тёмной крови, и тот рухнул с настила прямо в чёрную воду Темзы.

– К шхуне! – закричал Кортленд, выхватывая четырехгранный стилет из своей трости и делая стремительный выпад вперед.

В следующую секунду под брезентовым тентом верфей завязалась рукопашная бойня. Звуки выстрелов смешивались с глухими ударами железных ломов, хрипением раненых и треском ломающихся деревянных ящиков. Ирландские докеры Шона дрались с яростью обречённых, понимая, что для них этот налёт на королевские склады является прямой дорогой на виселицу в Ньюгейте. Они шли в лобовую, орудуя баграми и сминая охрану Уайтхолла численным превосходством.

Воронецкий прорывался сквозь эту массу людей прямо к Кортленду. Из-за штабеля ящиков на него выскочил британский агент, целясь из «Веблея» прямо в лицо капитану. Родион сделал резкий нырок под руку врага, уходя с линии огня, и с размаху впечатал стальной набалдашник своей трости в коленную чашечку англичанина. Раздался мерзкий хруст ломающейся кости, агент взвыл от боли и повалился на настил, но Воронецкий уже не смотрел на него. Перед ним, тяжело дыша и выставив вперёд четырехгранное жало стилета, стоял Уильям Кортленд.

– Ну что, Воронецкий... – прошипел британец. – Здесь тебе не Москва. На этих верфях мы тебя похороним.

Кортленд сделал стремительный выпад, целясь Родиону прямо в горло. Воронецкий едва успел парировать удар своей тростью. Металл со звоном ударился о металл. Британский ликвидатор действовал профессионально. Его жёлтая перчатка мелькала в воздухе, словно жало ядовитой змеи. Они схватились в рукопашную и покатились по грязному настилу, задевая ящики с английскими минами и пропитываясь пролитым машинным маслом. Родион чувствовал, что силы покидают его. Из израненного горла вырывались хриплые от удушья звуки.

Собрав последние силы, Воронецкий резко выгнул спину мостом, перехватил запястье Кортленда своей рукой и с силой повернул его сустав против часовой стрелки. Кости британца хрустнули, стилет со звоном выскочил из его онемевших пальцев, улетев под колеса портовой телеги. Родион навалился сверху, вдавливая колено в грудь поверженного врага, и приставил тяжелое дуло своего «Смит-Вессона» на переносицу между бровями.

– Игра окончена, Кортленд, – прохрипел Воронецкий, тяжело дыша. – Твой Кронштадтский заговор раскрыт. Коды связи со шхуной, быстро. Или я нажму на спуск прямо сейчас, и Темза примет твое тело в качестве платы за Скобелева.

К двум часам ночи дождь над Ист-Эндом начал стихать, уступив место туману, который плотной пеленой укрыл разгромленный пирс. Весь деревянный настил под брезентовым тентом был залит кровью, завален разбитыми ящиками и стреляными гильзами. Уцелевшие матросы «Эльзы» стояли на коленях под охраной ирландских докеров Шона, другая часть которых спешно вскрывали трюмы шхуны, извлекая оттуда завёрнутые в промасленную бумагу подводные мины новейшего образца.

Кортленд сидел на полу, прислонившись спиной к чугунной тумбе пирса. Его фрак был разорван в клочья, лицо превратилось в кровавое месиво после ударов Воронецкого, а рука с вывернутым суставом бессильно висела вдоль тела. Но его единственный здоровый серый глаз по-прежнему горел неукротимой ненавистью хищника Большой игры.

Воронецкий стоял над ним, тяжело опираясь на стальную трость. Капитан залез во внутренний карман пальто, достал кожаный планшет, который Сухов нашёл в каюте капитана «Эльзы», и раскрыл его. Внутри лежали оригинальные навигационные карты Балтийского моря с маршрутом шхуны и секретные британские коды связи с Кронштадтским адмиралтейством, заверенные личной подписью сэра Мэнсфилда.

– Ты думаешь, что спас свой флот, Воронецкий? – Кортленд хрипло, издевательски рассмеялся, сплевывая кровь на мокрые доски. – Ты забрал коды, забрал мины. Но ты не сможешь отменить приказ, который граф Воронцов уже передал в Петербург. «Эльза» лишь одна из трех шхун, идущих к Кронштадту. Мэнсфилд просчитал твой ход. Граф Воронцов вернёт себе власть, даже если этот пирс взлетит на воздух вместе со всей твоей контрразведкой. Система защищает своих шпионов. Ты упустил время.

Воронецкий медленно свернул навигационные карты и спрятал их под подкладку своего пальто. Его лицо оставалось каменной, лишенной эмоций маской государева инквизитора. Он не стал отвечать на провокации побеждённого врага. Теневая математика его расследования сошлась с идеальной точностью. У него на руках были прямые, неопровержимые доказательства участия Уайтхолла в Кронштадтском подлоге. Этот документ Александр III сможет выложить на стол британскому послу в качестве окончательного геополитического ультиматума.

Капитан повернулся к Сухову, его серые глаза сверкнули стальной решимостью.

– Сухов, Кортленда связать, кляп в рот и грузить в фургон. Шон, твои парни забирают золото и уводят шхуну в нейтральные воды. Мы возвращаемся в Уайтчепел. Нам нужно передать эти коды Анне Корсаковой в течение часа, чтобы Гатчина успела поднять по тревоге Кронштадтский гарнизон.

Через пятнадцать минут крытый портовый фургон сорвался с места, уносясь сквозь ночной лондонский туман в сторону Коммерческой улицы. Воронецкий сидел внутри, бережно удерживая в кармане жилета серебряные отцовские часы, продолжавшие тикать, отсчитывая минуты его трудной, кровавой победы в самом сердце Туманного Альбиона.

Глава 8

Глава 8. Охота на ищейку

Утренние лондонские газеты вышли с сенсационными заголовками на первых полосах. *«Тайный заговор в доках Ист-Энда!»*, *«Нападение банды радикалов на королевские пакгаузы!»*, *«Ирландский террор в сердце Ист-Энда!»* Страницы *«The Times»* и *«The Daily Telegraph»* пахли еще свежей типографской краской, когда жители Лондона читали эти известия на станциях подземной железной дороги и в омнибусах. Скотленд-Ярд, подгоняемый депешами из министерства на Даунинг-стрит, объявил беспрецедентную облаву по всей столице.

Но главным объектом этой негласной охоты были не портовые рабочие Шона. Секретная служба Её Величества выставила против Родиона Воронецкого всю королевскую сыскную машину. На всех вокзалах, у каждого причала на Темзе и на выездах из города дежурили филёры в серых котелках. Портрет «опасного лифляндского анархиста барона фон дер Остена», ювелирно перерисованный художниками Скотленд-Ярда по описанию выживших в доках агентов, лежал в кармане каждого констебля.

Капитан Воронецкий стоял у полусгнившего деревянного причала на окраине района Лаймхаус. На нём больше не было Сэвил-роувского фрака и накрахмаленной сорочки остзейского дворянина. Для этого этапа конспирации он облачился в грубое, пахнущее мазутом и речной тиной платье портового кочегара, состоявшее из засаленного шерстяного анорака, тяжелых рабочих брюк и грязного матросского картуза, глубоко надвинутого на самые глаза. Лицо его было измазано угольной пылью, полностью скрывавшей бледность кожи и жёсткие шрамы.

Его новым убежищем стала старая, наполовину затопленная деревянная баржа «Чёрная утка», бросившая якорь в тупиковом затоне у заброшенных верфей Лимузина. Здесь, в этой плавучей могиле, где пахло гнилой водой, «Призрак Гатчины» переигрывал Скотленд-Ярд на его же территории. Под брезентом в трюме баржи, намертво связанный пеньковыми канатами, сидел Уильям Кортленд. Британский ликвидатор бредил от лихорадки, его вывихнутый в доках сустав посинел. В дальнем углу трюма, сжавшись в комок под пуховым платком, тихо спала Шарлотта Альтенроз, изнурённая ночным прорывом сквозь ливень.

Воронецкий достал из кармана жилета серебряные отцовские часы, нажал на скрытую пружину. Сухой щелчок крышки разорвал монотонный плеск Темзы о гнилые борта баржи. Семь часов утра. Время, когда утренние курьеры МИДа доставляли почту в российское посольство в Белгрейвии.

Официально чиновник Иванов бесследно исчез со своего рабочего места в консульском отделе, и полковник Барк уже настрочил панический рапорт на Фонтанку о «безнравственном бегстве подчиненного». Но Родион знал, что в правом крыле особняка на Челси, у запертого аппарата Сименса, сейчас сидит Анна Корсакова. Она была его единственными глазами и его единственным шансом передать перехваченные навигационные коды в Гатчинский замок до того, как ещё одна шхуна с минами войдет в территориальные воды Кронштадта. Охота на ищейку была в самом разгаре, и Родион должен был сделать свой ход из этого речного тумана.

Дождь над Темзой прекратился ближе к полудню, оставив после себя удушливую влажность и плотную завесу желтоватого смога, который скрывал даже очертания моста Ватерлоо. Воронецкий пробирался к Белгрейвии пешком, используя глухие, грязные прибрежные переулки Ист-Энда, где Скотленд-Ярд появлялся только большими конными отрядами. Он шёл медленно, нарочито прихрамывая на правую ногу и опираясь на простую рабочую дубинку вместо своей стальной трости. Каждая патрульная карета, проезжавшая мимо, заставляла его

сжиматься в тугой узел, но угольная пыль на лице и матросский картуз безупречно держали маску портового чернорабочего.

Ему удалось проникнуть на территорию российского посольства, которое теперь круглосуточно просматривалась двойным кольцом филёров Уайтхолла, используя тайный подземный коллектор сточных вод, чертежи которого Анна Корсакова нашла в архивах Морского министерства еще неделю назад. Пробившись сквозь зловонную тьму подземных труб, капитан вылез через чугунный люк прямо в густые заросли сирени в дальнем углу посольского сада.

Минуя бдительных часовых Кавалергардского полка, охранявших парадный вход, Родион скользнул в полутемный коридор правого крыла и толкнул дверь шифровальной канцелярии.

Анна Корсакова сидела за своим оперативным столом. Её лицо казалось прозрачным от мертвенной бледности, под глазами залегли глубокие, чёрные тени от бессонницы, а пальцы в фиолетовых чернилах непрерывно, лихорадочно отбивали такт на латунном ключе передатчика. При звуке открывшейся двери она мгновенно обернулась, её рука инстинктивно взлетела к серебряному ключику на шее, но, узнав под маской угольной грязи глаза Воронецкого, она издала тихий, прерывистый вздох величайшего облегчения.

– Родион Иванович... – зашептала она, бросаясь к нему и на ходу запирая дубовую дверь на массивный внутренний засов. – Скотленд-Ярд перевернул весь Вест-Энд! Барк рвёт и мечет. Он уверен, что вы ограбили пакгаузы Секретной службы и подставили всю миссию под удар! Английское министерство выставило нам официальную ноту протеста!

– Пусть рвёт, Анна, это его последняя министерская нота, – Воронецкий тяжело опустился на табурет у края стола, его сорванное горло выдало глухой, лающий кашель. Он медленно снял грязную матросскую перчатку и выложил на сукно стола кожаный планшет, вырванный из каюты капитана шхуны «Эльза». – Здесь оригинальные навигационные карты Уайтхолла и секретные коды связи с диверсантами в Кронштадте. Это абсолютные, неопровержимые доказательства Кронштадтского подлога графа Воронцова.

Анна мгновенно подобралась, её строгие глаза блеснули тем самым математическим азартом, который Родион так ценил в ней от самой Гатчины. Она развернула карты под лучом лампы, и её пальцы быстро побежали по цифровым рядам шифров.

– Эти коды связи... Это же тройное замещение Адмиралтейства! – зашептала она, лихорадочно стуча по ключу Морзе. – Я успею, Родион Иванович! Я переведу эти данные на гатчинские матрицы прямо сейчас. Через полчаса генерал Черевин получит этот рапорт в Арсенальном каре. Будет поднят по тревоге весь Балтийский флот, и шхуну встретят наши миноносцы еще на внешнем рейде Кронштадта! Воронцов не успеет разыграть свою фальшивую диверсию!

Воронецкий смотрел на её тонкий профиль, освещённый зеленым абажуром лампы, и чувствовал, как удушливая паранойя лондонских трущоб отступает. В этой шифровальной канцелярии на Челси, под мерный стрекот аппарата Морзе, они выигрывали свою главную, планетарную битву против Уайтхолла и внутренних изменников. Анна была его невидимым соратником, его надёжным проводником сквозь любой туман, и её верность держала капкан для Уайтхолла взведённым на самом краю пропасти.

Стрекот телеграфного аппарата в тишине канцелярии оборвался ближе к трём часам дня. Анна сняла пальцы с латунного ключа, её грудь тяжело поднималась и опускалась под форменным платьем. Она аккуратно оторвала узкую бумажную ленту с подтверждением приёма из Гатчинского замка.

– Депеша ушла, Номер Первый, – тихо, но со стальной решимостью произнесла она, поворачиваясь к Воронецкому. – Черевин принял коды. Шхуна-дублёр «Эльзы» с минами будет арестована на Кронштадтском рейде, аффилированные со шведами контрабандисты уже берутся под стражу жандармами Особого отдела. Граф Воронцов-Вельяминов полностью изо-

лирован в своём псковском имении, его личный конвой заменён гвардейцами Гатчинского полка. Его паркетная игра окончена навсегда.

Воронецкий медленно поднялся со своего табурета, опираясь на дубинку. На его лице впервые за многие месяцы появилась холодная, торжествующая улыбка государева инквизитора. Кронштадтский подлог изменника был ликвидирован силой их контрразведки.

– Вы совершили невозможное, Анна, – Родион подошёл к ней вплотную. Запах её волос, хранивший едва уловимый аромат горького чая, на секунду вытеснил вонь сточного коллектора. – Воронцов уничтожен его собственными шифрами. Но наша игра в Лондоне еще не завершена. Уайтхолл ослеп, Кортленд у меня в трюме на Лаймхаусе, и сэр Мэнсфилд паникует. Они выставят против нас все силы Скотленд-Ярда, едва поймут, что шхуна-дублёр перехвачена на Балтике.

– Я остаюсь на ключе, Родион Иванович, – Анна поймала его израненную ладонь, передавая то самое запредельное чувство верности, которое вело их через все катастрофы Большой игры. – Я не брошу аппарат, пока вы не вывезете Шарлотту из этой проклятой столицы. Контролируйте баржу. Мой провод свяжет вас с Гатчиной.

Воронецкий коротко кивнул, натянул грязный матросский картуз обратно на глаза и скользнул обратно за дверь, чтобы пройти через чугунный люк коллектора, уходя в зловонную тьму подземных переходов Челси. Через час он уже возвращался на заброшенную баржу «Черная утка» в Лаймхаусе.

Лондонский туман снова плотной пеленой укрыл реку, стирая контуры кирпичных пакгаузов и мачт кораблей. Капитан сидел в полумраке трюма, слушая, как грязная вода мерно бьёт по гнилым бортам судна, а в его кармане, прямо под сердцем, сухо и ровно тикали отцовские серебряные часы. Они отсчитывали минуты его полной, окончательной победы над внутренними предателями престола.